

<Н. М. Карамзин>

I. Карамзин

Карамзин смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что происходит на театральной сцене. Он следит за речами и поступками героев пьесы, за развитием драматической интриги, ее завязкой и развязкой. У него каждое действующее лицо позирует, каждый факт стремится разыграть в драматическую сцену. По временам является на сцену и народ; но он остается на заднем плане, у стены, отделяющей сцену от кулис, и является обыкновенно в роли *deus ex machina* или в виде молчаливой, либо бестолково галдящей толпы. Он выводится не как историческая среда, в которой действуют герои, а тоже в роли особого героя, многоголового действующего лица. Герои Карамзина действуют в пустом пространстве, без декораций, не имея ни исторической почвы под ногами, ни народной среды вокруг себя. Это — скорее воздушные тени, чем живые исторические лица. Они не представители народа, не выходят из него; это особые люди, живущие своей особой героической жизнью, сами себя родят, убивают один другого и потом куда-то уходят, иногда сильно хлопнув картонной дверью. Они ведут драматическое движение, но сами не движутся, не растут и не стареют, уходя со сцены такими же, какими пришли на нее: русские князья южной Руси XI-XII в. говорят, мыслят и чувствуют так же, как русские князья северной Руси XIV и XV в., т. е. как мыслил ист[орик]. Это люди разных хронологических периодов, но одинакового исторического возраста. Они говорят и делают, что заставляет их говорить и делать автор, потому что они герои, а не потому что они герои, что говорят и делают это. От времени до времени сцена действий у Карамзина пустеет: герои прячутся за кулисы и зритель видит одни декорации, обстановку, быт, житейский порядок — это в так называемых внутренних обозрениях (число их). Но среди этого житейского порядка не видать живых людей и не поймешь его отношения к только что ушедшим героям: не видно ни того, чтобы из их речей и поступков должен был сложиться именно такой порядок, ни того, чтобы их речи и поступки были внушены таким порядком. Таким образом, у Карамзина действующие лица действуют без исторической обстановки, а историческая обстановка является без действующих лиц. Потому действующие лица кажутся невозможными, а обстановка действия ненужной. Но лишенные исторической обстановки, действующие лица у Карамзина окружены особой нравственной атмосферой: это — отвлеченные понятия долга, чести, добра, зла, страсти, порока, добродетели. Речи и поступки действующих лиц у Карамзина внушаются этими понятиями и ими же измеряются; это своего рода лампочки, прикрытые от зрителя рампой и бросающие особый от общего освещения залы свет на сцену. Но Карамзин не заглядывает за исторические кулисы, не следит

за исторической связью причин и следствий, даже как будто неясно представляет себе, из действия каких исторических сил слагается исторический процесс и как они действуют. Потому у него с целой страной совершаются неожиданные перевороты, похожие на мгновенную передвижку театральных декораций, вроде, например, его взгляда на ход дел в Русской земле до Ярослава I и после него, в удельное время, когда, по его словам, «государство, шагнув в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более 300 лет». Зато нравственная правда выдерживается старательно: порок обыкновенно наказывается, по крайней мере всегда строго осуждается, страсть сама себя разрушает и т. п. Взгляд Карамзина на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике. Его занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывавших эти средства, а за проявлениями нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях, за этими, как он говорит, «героями добродетели, сильными мышцею и душою или за яркими чертами ума народного свойства, нравов, драгоценными своею древностию». Он не объяснил и не обобщил, а живописал морализировал и любовался, хотел сделать из истории России не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы. Конечно, он много помог русским людям лучше понимать свое прошлое; но еще больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой.

II.

Н. М. Карамзин

Оптимизм, космополитизм, европеизм, абсолютизм, республикализм (33 гл.) — оставлены. Остался сентиментальным моралистом XVIII в. и приверженцем просвещения, как лучшего пути к доброй нравственности, которая — основание государственного развития и благоустройства. Остались и особенности его духа, развитые его литературной деятельностью, впечатлительность без анализа впечатлений, изобразительность без чутья движения, процесса. Наблюдения и принесенные ими разочарования из либералиста в консерватора-патриота: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для граждан; насильственные потрясения гибельны». Перемена во взгляде на реформу Петра. Впрочем, уцелел и еще один след влияния на него просветительной философии: историческая методика школы Руссо. Сочувствие к республиканскому правлению в «Марфе Посаднице» — влечение чувства, не внушение ума: политические и патриотические соображения склоняли к монархии, и притом к самодержавной. В той же повести слова кн. Холмского. В спорах о лучшем образе правления для России он стоял, на одном положении: Россия прежде всего должна быть великою, сильною и грозною в Европе, и только самодержавие может сделать ее таковою. Это убеждение, вынесенное из наблюдения над пространством, составом населения, степенью его развития, международным положением России, Карамзин превратил в закон основной исторической жизни России по методу опрокинутого исторического силлогизма: самодержавие — коренное начало русского государственного современного порядка; следовательно, его развитие — основной факт русской исторической жизни, самая сильная тенденция всех ее условий.

III. Н. М. Карамзин

Цель труда Карамзина морально-эстетическая: сделать из русской истории изящное наизидание в образах и лицах. Поэтому у него события — картины, исторические деятели либо образцы мудрости и добродетели, либо примеры обратного качества. Назидательная тенденция побуждает рисовать явления с поучительной стороны, а как источники не дают должного материала, то восполнять их психологической выразительностью. Восстановить психологию давно минувших деятелей — одна из важных задач исторического изучения. Но как Карамзин этого и не пытался сделать, то его психологии — просто подсказывание историческому лицу своих собственных чувств и мыслей: Ошибки — Собор 1613 г.. Научная задача не идет далее возможно точного воспроизведения хода отдельных событий в хронологическом порядке и характера лиц и их действий; но связи причин и следствий, нити событий, последовательного движения народной жизни, того, что зовем историческим процессом, не видит читатель. Нет критики источников, ни критики фактов, вместо первой — обширные выписки в примечаниях, вместо второй — моральные сентенции или похвальные слова, как у древнерусского летописца. Карамзин не изучал того, что находил в источниках, а искал в источниках, что ему хотелось рассказать живописного и поучительного. Не собирал, а выбирал факты, данные. Отсюда у него исторические чудеса.

Нет движений пред неподвижной мыслью.

Ищет в каждом лице и событии, насколько осуществлялась добродетель и справедливость, а не следит, как вырабатывалась та и другая. В сущности это — одно и то же, но с разных точек зрения, измерение сверху и снизу: один — насколько поднялась над уровнем минуты, а другой — насколько не дошла до высшего, идеального. То же, что один говорит: 3 часа 40 минут, другой — 4 без 20 минут. Но впечатление разное: один констатирует постепенный прогресс, другой утверждает вечную отсталость жизни. У первого — люди развиваются, у второго — они вечно несовершенны. Поэтому научная история оптимистична, а моралист-историк должен быть пессимистом. Научный историк изучает природу общежития, моралист — судит людей. В струю сентиментальности, которую повел Руссо. Эстетика, философия чувства, человечество: космополитизм Карамзина. Революция выводила из ароматной сферы личного чувства и мечты в действительность историческую.

Мысль о русской истории: 1) предмет искусства, 2) аналогия как метод изучения; 3) мысль о национальной самобытности как стимул воображения 4) мораль. Отношении к революции и исторический консерватизм. Перемена космополитического взгляда на Петра: Гл. 41.

Явления прошлого облачаются в терминологию современности: Бестужев-Рюмин, 23 т.

Впечатлительность без анализа впечатлений, изобразительность без сути процесса, морализации явлений.

Князь Голицын — из непонимания, а не ошибочного понимания.

Карамзин — у Руссо современные потребности, нужды современности в начале как факты истории. Колыбель человечества исторического наполнилась негативами современного положения.

Европейское влияние и впечатление; русские историографические предания. — Разочарование в будущем человечества повело к склонности идеализировать местную старину. Литературное воспитание развило интерес к личной жизни, на счет понимания быта масс. История государей российских.

Изучать историю, чтобы написать ее: мысль сосредоточивается на подборе фактов, не на их связи.